

Рауль

Мир-Хайдаров

А 2009
16940

**РАННЯЯ
ПЕЧАЛЬ**

**Из Касабланки
морем**

M&E PRESS

Рауль *Мир*-Хайдаров

РАННЯЯ

ПЕЧАЛЬ

Из Касабланки

морем

Казань
2006

ББК 84 (2 Рос-Рус)-44
М 63

Мир-Хайдаров Р. М.

М 63 Ранняя печаль. Роман, повести, рассказы. / Рауль Мир-Хайдаров. – Казань: «Идел-Пресс», 2006. – 608 с.

«Ранняя печаль» – пронзительно нежный и грустный автобиографический ретро-роман о любви и дружбе, коварстве и предательстве, о сбывшихся и несбывшихся надеждах тех, чья молодость выпала на 60-е, 70-е, 80-е годы прошлого столетия.

В книгу вошли также повести и рассказы писателя.

ISBN 5-85247-061-9

ББК 84 (2 Рос-Рус)-44

ЦМД

ISBN 5-85247-061-9

© Мир-Хайдаров Рауль Мирсаидович, 2006
© ОАО ПИК «Идел-Пресс», 2006

Библиографическая справка

Романы:

- «Пешие прогулки» (1988) – роман (19 изданий)
- «Двойник китайского императора» (1989) – роман (15 изданий)
- «Масль пиковая» (1990) – роман (13 изданий)
- «Судить буду я» (1992) – роман (9 изданий)
- «Ранняя печаль» (1996) – роман (6 изданий)
- «За всё – наличными» (1997) – роман (7 изданий)

Повести и рассказы:

- «Полустанок Самсона» (1975) – рассказы (2 издания)
- «Оренбургский платок» (1978) – рассказы (3 издания)
- «Такая долгая зима» (1978) – рассказы (2 издания)
- «Путь в три версты» (1979) – рассказы (2 издания)
- «Знакомство по брачному объявлению» (1980) – повести (4 издания)
- «Жар-птица» (1981) – рассказы (2 издания)
- «Дамба» (1984) – повести и рассказы (2 издания)
- «Чти отца своего» (1987) – повести и рассказы (4 издания)
- «Из Касабланки морем» (1987) – повести и рассказы (2 издания)
- «Седовласый с розой в петлице» (1988) – романы и повести (2 издания)
- «Налево пойдешь – коня потеряешь» (1990) – романы и повести (3 издания)

Собрания сочинений:

- Изд-во «Художественная литература» (Москва, 1990) – однотомник
- Изд-во «Голос» (Москва, 1992–1993) – собрание сочинений в 4-х томах
- Изд-во «Грампус Эйт» (Харьков, 1995) – собрание сочинений в 3-х томах
- Изд-во «Южная Пальмира» (Днепропетровск, 1996) – собрание сочинений в 4-х томах

На родине писателя есть улица, названная его именем, и литературный музей. Почти вся проза Р. Мир-Хайдарова, за исключением нескольких ранних рассказов, имела журнальные публикации и записана на Всесоюзном радио. Романы «Ранняя печаль», «За всё – наличными» и «Масль пиковая» записаны на аудиокассетах на 81 час звучания.

Общий тираж книг превышает 5 миллионов экземпляров.

Тел: (095)466-7200

e-mail: mraul61@hotmail.com

романы: www.lib.ru

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

МИР-ХАЙДАРОВ РАУЛЬ МИРСАИДОВИЧ писатель, Заслуженный деятель искусств, лауреат премии МВД, родился 17 ноября 1941 года в поселке Мартук Актюбинской области в семье оренбургских татар.

По образованию – инженер-строитель. Он много лет проработал в строительстве, и работа позволила ему изъездить страну вдоль и поперек. В молодые годы увлекался боксом, имел первый спортивный разряд. В партии никогда не состоял, большим начальником не был. В возрасте 30 лет на спор с одним известным кинорежиссером написал рассказ «Полустанок Самсона», опубликованный в московском альманахе «Родники» и записанным на Всесоюзном радио. В 1975 году был участником VI Всесоюзного съезда молодых писателей.

В 40 лет Рауль Мир-Хайдаров оставляет строительство и посвящает все свое время литературному труду, становится профессиональным писателем. Он издал более трех десятков книг в главных издательствах страны: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература». Его книги переводились на иностранные языки и языки народов СССР. Есть книги, изданные на грузинском, каракалпакском, узбекском, вся проза Р. Мир-Хайдарова переведена на татарский язык. Почти вся его проза имела журнальную публикацию и записана на Всесоюзном радио. У него четыре раза выходили собрания сочинений. Рауль Мир-Хайдаров – лауреат Литературной премии МВД СССР (1989 год), заслуженный деятель искусств (1999 год).

Широкую известность писателю принесла серия «Черная знать», в которую входит тетралогия романов: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масль пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За всё – наличными». Книги из серии «Черная знать» имели по десятку изданий каждая, и на сегодня их тираж составляет пять миллионов экземпляров. Это остросюжетные политические романы с детективной интригой, написанные на огромном фактическом материале. В них впервые в нашей истории дан анализ теневой экономики, впервые показана коррупция в самых верхних эшелонах власти, включая кремлевскую власть. Показано сращивание криминала со всеми ветвями государственной власти. Первый роман из тетралогии – «Пешие прогулки» – вышел в 1988 году в «Молодой гвардии» с предисловием известного критика и редактора журнала «Континент» Игоря Виноградова. Этот роман на сегодняшний день выпущен 18 изданиями (из них 4 раза по 250 тысяч экземпляров) и продолжает издаваться. После выхода романа на автора было совершено покушение, и он чудом остался жив, проведя 28 дней в реанимации и долгие месяцы в больницах. Ныне писатель – инвалид II группы.

Американская газета «Филадельфия инкуайер» прислала специального корреспондента Стива Голдстайна в связи с покушением на Р. Мир-Хайдарова и посвятила этому событию целую полосу под заголовком:

«Исследователь мафии». Позже писатель выступал во многих европейских газетах по проблемам преступности, давал интервью. Во многих рецензиях, опубликованных в юридических изданиях, отмечается, что автора отличает прекрасное знание уголовной среды и правовых вопросов – не частый случай среди тех, кто пишет на криминальные темы.

В своих романах автор зафиксировал хронику смутного времени. После покушения и выхода новых романов жизнь в Ташкенте стала для него невозможной: постоянные угрозы и шантаж, угнали машину, рассыпали набор романа «Судить буду я», запретили постановку пьесы, написанной драматургом В. Баграмовым по роману «Пешие прогулки». И Мир-Хайдаров переезжает в Москву, и, конечно, пишет. Уже в России дописывается последний роман тетралогии «Судить буду я», написан пронзительно грустный ретро-роман о жизни, о любви, – «Ранняя печаль». В 1997 г. вышел роман о российской мафии, о жизни «новых русских», о крупных аферах в России – «За все – наличными».

В молодые годы известный романист страстно увлекался футболом, дружил со знаменитыми футболистами своего времени: Михаилом Месхи, Славой Метревели, Геннадием Красницким, Станиславом Стадником, Берадором Абдураимовым... Любил и знал балет, дружил с народным артистом СССР Ибрагимом Юсуповым, учеником Юрия Григоровича. Поклонник джаза – был знаком со многими джазменами из оркестров Орбеляна, Кролла, Вайнштейна, Гаджиева, Гобискери. Специально брал отпуск зимой, чтобы побывать в московских театрах, общался с Олегом Далем, Валентином Никулиным. Смотрел все знаменитые спектакли театра «Современник» конца 60-х – начала 70-х.

Ныне осталось увлечение живописью и, конечно, писательский труд, любовь к которым оказалась сильнее и футбола, и джаза, и театра. Он обладатель одной из самых больших частных коллекций современной живописи в России.

В 2001 году в Казахстане, на родине писателя, на государственном уровне был отмечен его юбилей. В дни 60-летия в областном историко-краеведческом музее Актюбинска был открыт зал, посвященный знаменитому земляку, в нем выставлены 60 картин, подаренных городу из его частной коллекции. Одна из улиц его родного Мартука названа именем Рауля Мир-Хайдарова. Там же открыт литературный музей писателя и действуют два школьных музея.

Ранняя печаль

Роман

I

«Лотос» – большой приземистый стеклянный гриб, непонятно почему названный именем нежного цветка, – пользовался в городе дурной славой. Ни внутри, ни снаружи – ни столов, ни стульев, ни стоек. Более того, внутрь посетителям доступа не было, там властвовала хозяйка заведения, и все вокруг нее было заставлено ящиками, коробками, металлическими «сигарами» с колотым льдом. Общалась хозяйка с посетителями через узкое оконце с пожелтевшим стеклом. Так что вряд ли «Лотос» мог притягивать посетителей своим комфортом или интерьером.

Дасаев приходил сюда прямо с работы и внешне мало чем отличался от здешних завсегдатаев: у многих в руках портфели, «дипломаты», видно было, что большинство из них направлялось в кафе напрямик со службы, так что он со своим «кейсом» не выделялся среди посетителей забегаловки. Обслуживали тут молниеносно... В первый раз не успел он, протягивая рубль, сказать, чтобы ему дали бутылку минеральной воды, как хозяйка в сбившемся набок парике отточенным движением

опрокинула в стоявший наготове тяжелый граненый стакан початую бутылку вина и наполнила его до краев, не пролив на влажную стойку ни единой капли. Этот ловкий, натренированный жест так восхитил Рушана, что он безропотно взял стакан, забыв о минеральной воде. Скорее всего из-за этого привычного для всех стакана вина никто и не обратил на него внимания. И хотя он знал, что это за заведение, любопытство не покидало его: здесь было на что посмотреть.

Вокруг «Лотоса» текла, кипела, бурлила совершенно незнакомая для него жизнь, но сказать, что тут толкуются одни пьяницы или люди, мучающиеся с похмелья, – значило сделать поспешный вывод, хотя, скорее всего, были здесь и те, и другие.

А народ вокруг собирался прелюбопытный, и какие разговоры велись: о нефтедолларах, об «Уотергейте» и еврокоммунизме, об экстрасенсах и тамильской хирургии, об агропромышленных комплексах и компьютерах! Дасаев однажды услышал даже чье-то высказывание о балете Мориса Бежара, которому оппонент противопоставлял штутгартский балет Джона Кранко, но затем оба пришли к согласию и перескочили на разговор о симфоническом оркестре Герберта фон Караяна, от Караяна перешли к ежегодному эдинбургскому фестивалю современных искусств, причем вскользь упомянули композитора Бенджамина Бриттена и дирижера Зубена Метту, от фестиваля – к фонду Гуггенхайма в Америке и к Рокфеллер-центру... Действительно, джентльменский клуб, и беседы куда интеллектуальнее, чем у них в прорабской или в тресте – там страсти разгорались все больше вокруг быта.

Дасаев с интересом разглядывал завсегдатаев, которых видел раньше лишь издали. У всех этих людей имелась общая примета – ни на ком не было ни одной новой вещи, словно все они дали зарок, что с определенного дня не потратят на подобную чепуху ни копейки. А если присмотреться более внимательно, то по одежде можно было приблизительно установить и время, когда был дан такой «зарок».

Например, вон тот человек в однобортном костюме с высокой застежкой на четыре пуговицы и в коротеньком, смахивающем на детский, галстуке, «зарекся» уже давно, – в те годы Дасаев еще учился в институте. Рядом с ним – мужчина в пиджаке с непомерно широкими бортами и в расклешенных брюках, – так одевались шеголи лет десять-двенадцать назад. Были тут и мужчины в

дакроновых костюмах, столь модных в шестидесятые годы, но давным-давно потерявших свой блеск и былой шик.

Нейлоновые рубашки, твидовые тройки, пиджаки первой вельветовой волны, китайские пуховые пуловеры, остроносые мокасины, туфли на высокой и тяжелой платформе, запонки и галстучные булавки, всевозможные шляпы, не знающие износа габардиновые и бостоновые костюмы говорили внимательному человеку о многом – о судьбе владельца. Ведь каждая ныне затрепанная, изношенная, лоснившаяся вещь некогда была не просто одеждой или обувью, а модной, изысканной для своего времени, и это свидетельствовало о том, что хозяин ее знал куда лучшие времена и когда-то чутко улавливал пульс моды.

Продолжая этот своеобразный экскурс в прошлое, Дасаев не без удивления отметил, что всех этих разномастно, разностильно одетых людей отличала странная и, на первый взгляд, непонятная особенность: одежду свою каждый старался поддерживать в чистоте и аккуратности, можно даже сказать, относился к ней с тщательностью, недостойной всех этих давно устаревших вещей. Галстук, как он заметил, был здесь необходимым аксессуаром и словно утверждал некий статус владельца, держал того на плаву. Неважно какой: мятый, засаленный, капроновый, шерстяной, атласный, шелковый, кожаный, самовяз или на резиновом шнуре, узкий, широкий, длинный, короткий – все равно, лишь бы при галстукке.

Обратил внимание Рушан и на то, что из верхнего кармашка пиджака у многих виднеется свежий платочек; бросалось в глаза, что и обувь у большинства надраена до блеска. Но самое удивительное, что отметил бы даже человек невнимательный, – среди посетителей не было ни одного небритого, и волосы у всех, особенно у тех, кто носил пробор, были тщательно расчесаны, волосок к волоску. Видимо, существовал в этой среде свой неписанный закон, тот эталон или порог, ниже которого опускаться считалось неприличным.

К «Лотосу» Дасаева влекло нечто большее, чем праздное любопытство, и он частенько приходил сюда с заранее заготовленным рублем, так как почувствовал, что более крупная купюра может вызвать недоверие к нему.

Когда он подходил к «стекляшке», с ним молча, но учтиво, а некоторые, можно даже сказать, нарочито изысканно раскланивались, а обладатели шляп – люди, как правило, постарше Дасаева, – джентльменским жестом приподнимали над изрядно полы-

севшими затылками головные уборы, давно потерявшие цвет и форму, – подобная галантность вызывала улыбку, которую он с трудом скрывал.

Но высшая почесть, оказанная ему, – а может, это было всего лишь традиционным вниманием к новичку, Рушан не успел разобраться до конца, – заключалась в другом. Он уже обратил внимание на то, что у окошка, где так быстро и ловко разливали вино, никогда не было суеты и толчеи, никто не пытался пролезть без очереди – наверное, здесь это считалось дурным тоном, хотя очередь выстраивалась почти всегда немаленькая. Так вот, завсегда таи почему-то выделили Дасаева: стоило ему подойти к последнему, как тот оборачивался к нему и великодушным жестом приглашал вперед. Так же поступал и каждый следующий, пока Дасаев, благодарно кивая головой, не оказывался у вожделенного окошечка.

Удивительно, но обшение, ради которого эти немолодые мужики, стекались сюда, наверное, со всего города, не было, на взгляд Рушана, навязчивым, бесцеремонным, – большей частью они держались небольшими группами, но компании эти тасовались чуть ли не каждые полчаса: одни уходили, приходили другие, опять сбиваясь по непонятным для него интересам. Немало было и таких, как он, кто молча, в одиночку коротал время за стаканом вина, и право всякого на подобную свободу тоже уважалось здесь, – по крайней мере в напарники к нему никто не набивался, хотя он чувствовал: подай он только знак, изъяви желание – собеседники или компаньоны вмиг найдутся. Здесь никто никого не торопил, как никто и не удерживал, каждый «созревал» сам, в одиночку, чтобы в итоге стать частью целого и уже до конца дней своих застыть навсегда, как в музее восковых фигур, в том одеянии, в котором появился у «Лотоса» в первый раз...

Не все вокруг «стекляшки» и не сразу стало понятным Дасаеву, но открытия, сделанные путем личных наблюдений, иногда поражали его. Так он заметил, что у «Лотоса» никто не просил и не занимал денег – по крайней мере открыто. О том, чтобы кто-то сшибал копейки, как случалось у многих питейных заведений, здесь не могло быть и речи. С рубля за стакан портвейна полагалась на сдачу даже серебряная монетка, о которой наверняка знал каждый, но никто эту монетку не требовал, – это был, как им, навер-

ное, казалось, щедрый жест «на чай», привычка еще из той, оставшейся позади безбедной жизни.

Однажды Рушан заметил, как по соседней аллее, тоскливо, с завистью посматривая в сторону «Лотоса», прошел вконец опустившийся пьяница, но подойти не решился – сработало, видимо, некое табу, тоже поначалу непонятное Дасаеву. Но как-то, когда он дома размышлял о завсегдатаях «стекляшки», его осенило: «Лотос» – последняя черта, рубеж для катящихся вниз, и пока они в состоянии приходить сюда, поддерживая выработанный ими же статус, они числят себя еще достойными уважения людьми. А может быть, еще проще, – они считают себя элитой среди пьющих? Ну конечно, элитой, как ни смешно и грустно это звучит в приложении ко всем этим людям. Отсюда и галстуки, и учтивые разговоры, и комичная галантность, давно ушедшая из общения нормальных людей, и тщательные проборы в давно невымытых, посеченных, редких волосах, и кокетливый платочек в кармашке затертого пиджака. И для них единственное место на свете, где есть возможность, хоть и призрачная, поддержать давно утраченное достоинство – это «Лотос»: он как соломинка для утопающего. Здесь, приобретая на свой мятый рубль – может быть, заработанный в унижениях, – стакан вина, пьющий как бы говорил своим многочисленным недоброжелателям: «Видите, я не бегу в магазин за бутылкой за тот же рубль и не скидываюсь на троих в подворотне. Для меня главное не выпить, я пришел в кафе пообщаться с интересными людьми – посмотрите, кого здесь только нет!»

Что и говорить, контингент у «Лотоса» действительно собирался не только живописный, но и разношерстный. Многие забегали сюда после службы, о чем свидетельствовали потрепанные, под стать хозяевам, портфели, хотя чаще в ходу у завсегдатаев были давно вышедшие из моды и обихода кожаные папки. Порою Дасаеву казалось, что здесь собрались последние владельцы подобного антиквариата. Вероятно, наличие портфеля и папки, так же как и галстука, вселяло в их хозяев некую уверенность в своих силах, а может быть, по их шаткому убеждению, являлось атрибутом связи с тем ушедшим вперед миром, в котором они, считай, уже и не жили, а так, заглядывали иногда. То были специалисты разного уровня, опускающиеся все ниже и ниже по служебной лестнице. Служили они, скорей всего, в ка-

ких-то несчетно расплодившихся в последние годы конторах, обществах, товариществах, потому что трудно было представить их работающими в серьезных, солидных учреждениях, где надо было работать с полной отдачей.

Первое впечатление о широте тем и интеллектуальности бесед, ведущихся возле «Лотоса», у Дасаева вскоре развеялось, и вовсе не потому, что приверженцы портвейна вдруг перестали вещать о еврокоммунизме или тибетской медицине. Тематика разговоров по-прежнему удивляла его, но он понял и другое: беседы носили случайный, поверхностный характер, они, так же как портфель или галстук, помогали этим людям ощущать себя все еще причастными к другой, настоящей, духовной жизни.

Желание узнавать новое, сопереживание, осуждение или одобрение – эти простые человеческие чувства для них уже перестали быть жизненной необходимостью. Да и на работе, если она у них действительно была – ведь наличие портфеля не обязательная тому гарантия, – их уже вряд ли кто воспринимал всерьез, равно как и дома, в семье. А им всем ох как нужно было внимание, – ведь это настоятельная потребность человека – чтобы его кто-то слушал и, самое главное, понимал. Гайд-парка у нас нет и не предвидится, а «Лотос» – вот он, рядом, здесь тебя выслушают с вниманием, возразят тебе или поддакнут, здесь ты не один, здесь ты свой. Вот и приходили они в свой собственный «Гайд-парк», нашпигованные обрывочными эффектными сообщениями из газет и журналов – благо, информации в наш век хватает с избытком, а времени свободного у них было хоть отбавляй.

Большинство посетителей «Лотоса» держалось тихо, мирно, несуетливо, некоторые даже с осторожностью, с какой-то опаской, – видимо, не раз их была жизнь и приходилось обжигаться. Таких выдавали глаза: затравленные, жалкие, в них не читалось ни силы, ни желания вступить в какую бы то ни было борьбу, даже за себя.

Вольнее, свободнее чувствовали себя люди творческих профессий или выдававшие себя за таковых. Один – очень шумный, потрепанный блондин в сандалиях на босу ногу и в легкой курточке из синтетической ткани, прожженной кое-где сигаретой, – представлялся всем журналистом. Он направо и налево сыпал именами известных корреспондентов, заговорщицки сообщал о каких-то грядущих переменах и перемещениях, известных пока

лишь в узких и привилегированных кругах. Уверял, что его наперебой зазывают то в одну, то в другую солидную газету, но он не желает продавать в рабство свое золотое перо, поскольку в штате там сидят одни подхалимы и бездари, а он не намерен своим талантом способствовать их успеху. Одного трезвого взгляда было достаточно, чтобы понять, что не только в газету, но и в любое мало-мальски порядочное учреждение путь этому еще нестарому человеку уже заказан – слишком долго пришлось бы думать, прежде чем решиться доверить ему хоть какое-то дело.

Особое оживление вызывало у посетителей кафе появление некоего поэта, чувствовалось – здесь его любили. Периодически, словно уверяя других – а прежде всего, наверное, себя, – что он действительно поэт, тот вынимал из своего постоянно разбухшего портфеля потрепанные газеты и какой-то журнал без обложки – судя по объему и формату, явно не литературный, – где была опубликована подборка его стихов. Видно было, как он дорожит этим журналом, где на страничке со стихами соседствовала и фотография автора. Ходили слухи, что журнал не однажды сослужил поэту неоценимую услугу в вытрезвителях, где он требовал к себе особого отношения как к творческой личности.

Внешне поэт ничем не отличался от завсегдатаев «Лотоса»: та же классическая прическа с безукоризненным пробором, лоснящийся костюм, в любое время года – неснашиваемые зимние ботинки на каучуке и непрременный атрибут, выделявший его даже из этой живописной толпы – ярко-красный платок на тонкой морщинистой шее. Он тоже никогда не стоял в очереди за портвейном – толпа почтительно уступала кумиру место у стойки. Выпив, он быстро озлоблялся, что невыгодно выделяло его среди обычно мирных посетителей «Лотоса», и начинал крикливо читать свои стихи, комментируя их непечатным текстом, – подобная вольность разрешалась ему одному. Наверное, когда-то он был не без искры божьей, но злоба, душившая его изнутри, не позволила ему стать настоящим поэтом, – так, по крайней мере, казалось Дасаеву. Жестокими, недобрыми были его стихи. Частенько Серж, как звали поэта, уходил, позабыв свой портфель, который бережно передавали внутрь «стекляшки», где он день-другой, а иногда и неделю дожидался хозяина, воюющего, очевидно, в кабинетах газет и журналов с редакторами-чинушами.

Поэтов, кроме Сержа, приходило несколько, но всем им было далеко до популярности мэтра с эффектным шейным платком, и в очереди за портвейном они стояли на общих основаниях. Поэтому, наверное, испытывая нескрываемую зависть к «удачливому собрату по перу», его популярности в «Лотосе», молодые коллеги демонстративно игнорировали Сержа: держались между собой подчеркнуто дружелюбно и вели сугубо светские разговоры, – именно от них Рушан услышал о балете Мориса Бежара. Они распространяли слухи, что Серж безнадежно старомоден и что на его затасканных рифмах далеко не уедешь, но все это ничуть не вредило славе первого поэта «Лотоса», скорее наоборот. И как ни крути, никто из них не печатался в журнале с подборкой стихов и портретом. Да и смелости им, пожалуй, не хватало – никто ни разу не рискнул почитать свои стихи вслух, хотя общество иногда, в отсутствие Сержа, разумеется, просило об этом, вероятно, ощущая эстетический голод. Но стихи друг друга они читали, – Рушан не раз был тому свидетелем. Допускали они порою в свое общество и нескольких музыкантов, которых, к его удивлению, оказалось здесь больше всех. Находились тут даже свои непризнанные композиторы, не было, пожалуй, только дирижера, но за это Дасаев поручиться не мог, ведь заглядывал же в «стекляшку» человек с брюшком, к которому на полном серьезе обращались: «Товарищ прокурор...»

За то время, что Рушан захаживал в «Лотос», он повидал многих посетителей странного заведения. Видел, как пропадали одни примелькавшиеся лица или даже целые компании, как их место занимали другие, незнакомые ему, но явно свои люди в «стекляшке». И Дасаев мысленно вычислял, куда пропадали, где проводили время те, кто периодически исчезал из «Лотоса». Он не был равнодушным, по-человечески ему было жаль их, особенно некоторых, безвольных, но еще не потерявших до конца человеческий облик, из последних сил цепляющихся за нормальную жизнь, которым «Лотос», как ни иронично это звучит, казался спасительным островком, где они еще чувствовали себя людьми.

Родилась подобная мысль не случайно. Как-то Рушан обратил внимание на человека средних лет по прозвищу Инженер, о котором говорили, что он мужик головастый и некогда вроде был большим начальником. Сейчас, глядя на Инженера, вряд ли можно было предположить, что у него есть постоянная работа, хотя

порою казалось, что он чем-то занят, при деле. Поразительно менялся человек, когда он был занят, – это улавливал не только Дасаев, но и многие посетители «Лотоса». В такие дни вокруг Инженера становилось особенно многолюдно, оживленно, и не только потому, что он был при деньгах, скорее оттого, что Инженер увлеченно говорил о своей службе, планах, громко объяснял, какие реформы он проведет на предприятии, где так безобразно запущено хозяйство. Дасаев порадовался тогда, что человек встал на ноги, порадовался и за других, с загоревшимися глазами глядящих на Инженера, по-хорошему завидующих ему.

Потом Инженер вдруг перестал появляться, и Рушану казалось, что хоть один на его глазах сумел вырваться из винных пут. Но прошло немного времени, и Инженер тихо, незаметно, как-то бочком, словно чувствуя вину, что не оправдал своих и чужих надежд, снова объявился в «Лотосе». Весь его мятый вид красноречиво говорил, что он уже давно забыл о работе и планах, ночевал где попало, а последние дни, вероятно, пропадал на рынках и вокзалах.

Возвращение к «стекляшке» завсегда и восприняли как крушение надежд не только Инженера, но и своих тоже. Однако и оценили главное – что и на сей раз ему удалось найти силы, не скатиться на самое дно, привести себя в относительный порядок и вернуться к «Лотосу». В том, что этот страшный путь время от времени проделывал почти каждый из завсегдаев кафе, Дасаев уже не сомневался.

Незаурядных людей, некогда подававших большие надежды, тут отиралось немало. Частенько Дасаев видел здесь жалкого человечка, бывшего пианиста, который уже в восемнадцать лет концертировал с симфоническим оркестром. Какое ему прочили блистательное будущее! А теперь, глядя на спившегося маэстро, Дасаев при всем желании не мог представить его громкого прошлого.

В часто меняющемся калейдоскопе выпивох Рушан однажды углядел человека, бывшего в свое время известным футболистом, кумиром сотен тысяч болельщиков, которого восторженные поклонники и местная пресса порою сравнивали с Пеле и Беккенбауэром. То, во что превратился энергичный молодой красавец, некогда покорявший сердца сотен людей талантом и филигранной техникой, заставило Дасаева задуматься. Во все времена врачи и

знахари бились в поисках средств омоложения человека, продления его жизни. И хоть достигло человечество на этом тернистом пути каких-то успехов, все же результаты эти так ничтожны, что обнадеживает лишь тот факт, что шанс, надежда все же существуют. Зато каких грандиозных результатов достиг, и без помощи науки, человек в разрушении своего организма! Рушан ведь помнил, какой подвижностью, быстротой мышления, реакцией, силой, даже внешней красотой обладал этот еще относительно молодой мужчина, медленно тонущий в вине сегодня...

II

Рушану почти пятьдесят. Немало... Помнится, у Фадеева в «Разгроме» он вычитал фразу: «В бане мылся старик сорока с лишним лет». Тогда, в молодости, это определение не задело его ничуть. А сейчас казалось просто дикостью. Если уж в сорок лет – старик...

Вроде рано ему подводить итоги, но слишком часто одолевает душу грусть, и все чаще долгие вечера дома, в Ташкенте, он простаивает у давно немытого окна, и странные картины видятся ему в грязном дворе. Иногда кажется, что он одновременно пишет, читает и экранизирует какую-то книгу, роман без начала и конца, где мелькает множество героев, но чаще почему-то вспоминается мальчик в кузове полуторки...

Год 1949-й, Рушану восемь лет... Он хорошо помнит тот празднично-кумачовый день с транспарантами повсюду, видит полуторку местной артели, где работает его отчим-фронтовик. Вот машина уже собралась отъезжать на парад, на соседнюю улицу захолустного райцентра, но в последний момент через борт кузова, забитого стоящими со знаменами людьми, подняли мальчика. Удивительного мальчика – на нем застегнутый по горло китель цвета хаки и аккуратные брючки, только без лампасов.

Мысль о лампасах возникает сразу, потому что кругом, куда ни глянь, цветные портреты вождя – отпечатанные на прекрасной мелованной бумаге, они тщательно наклеены на фанерные листы, а то и взяты в рамки под стеклом, их несут в голове каждой колонны, как прежде в церковные праздники носили иконы с изобра-

жением святых и Иисуса Христа. У мальчика такой же парадный костюм, как и у вождя, слева же, над кармашком, сияет чужеземный орден, должно быть, отцовский. Грудь мужчины, передавшего белобрысого мальчишку в машину, увешана орденами и медалями, которые при ходьбе чудесно позванивают, сверкают серебром, золотом и медью.

Собравшиеся у артели мальчишки, где на утреннике вручали подарки, поглядывают на машину с завистью. Им-то придется идти пешком на «Красную площадь» – закуток у райкома партии, где в пыльном скверике стоят напротив друг друга два гипсовых коротконогих вождя, подновленных к празднику золотой краской.

Мальчик, одетый под генералиссимуса, Рушану не знаком, не было его и на утреннике в артели, и он спрашивает у своего товарища, кто этот счастливец. Кто-то сзади подсказывает: «Женя Дудченко», но фамилия Рушану ничего не говорит, у них в школе нет такого ученика.

Мартук – степной поселок, расположенный почти у самой границы между Европой и Азией, – не велик, но и не мал, главное его достоинство в том, что раскинулся он при железной дороге, и здесь останавливаются все поезда, спешащие в далекие сказочные города: Ташкент, Алма-Ату, Сталинабад, и даже в какой-то Курган-Тюбе или Джалал-Абад.

После войны поселок стал бурно строиться, в райцентр потянулись люди из глухих степных аулов и дальних казацких станиц Зауралья, но больше всего было беженцев с Запада. Рушан живет в старинной части Мартука, мусульманской, так называемой Татарке, где селились преимущественно татары, казахи, башкиры, а в последние годы и чеченцы.

Наверное, белоголовый мальчик был из новых переселенцев и жил на другом краю села, но в память почему-то западает – «Женя Дудченко». Так случилось, что Рушан столкнулся с ним в жизни еще один раз, когда перед отъездом в Ташкент недолго работал в том же поселке прорабом на строительстве крупного элеватора. Женя тогда только вернулся из армии и искал работу, с чем всегда в райцентре были проблемы. Рушан, конечно, помог ему устроиться. Был Женя в то время рослым, статным, удивительно обаятельным парнем, таким и остался в памяти...

Вскоре Рушан уехал из родных мест и лишь изредка, наездами, бывал в гостях у родителей. Помнится, в один из таких дней

поехали на речку Илек, тогда еще полноводную, не загаженную сбросами заводов. Братва в основном подобралась шоферская, и когда стали вспоминать давние годы, вдруг всплыла фамилия того мальчика, – оказывается, он работал в городской ГАИ.

Они никогда не были ни друзьями, ни врагами. Их жизни, интересы не пересекались, если не считать, что оба были земляками, выходцами из бедного пристанционного поселка, который и для Рушана, и для Жени – та самая малая родина, куда их иногда тянет с неодолимой силой и тоской.

Наверно, иногда вспоминаются ему летние ночи в сонном поселке, когда высокий лунный свет скрадывает убожество запущенных улиц, и пыльные, сомлевшие от азиатской жары палисадники с завядшей сиренью и отцветшей акацией кажутся прекрасной декорацией к какой-то другой, нездешней жизни. А быть может, видится зима с ее снегопадами, улицами в сугробах, и теплые огоньки за стеклами прихваченных морозом окон, и как тянутся к стилому небу синие струйки дыма. И, наверно, хоть раз в жизни да пришло на ум, что определение из пушкинской строки – «дым отечества» – и есть эта хилая струйка дыма из обвалившейся печной трубы отчего дома.

А впрочем, может, все совсем и не так, и ничего такого ему не видится и не слышится, и не тянет его в поселок у железной дороги, где за прошедшие годы мало что изменилось, и все, как и повсюду, медленно приходит в упадок...

Рушан ведь совсем не знает этого парня, никогда не разговаривал с ним по душам, не сидел рядом в шумном застолье, не знает, кто стал его женой, есть ли у него дети. А может быть, жена Дудченко – бывшая одноклассница Рушана или девушка с Украинской улицы, какая-нибудь очаровательная хохотушка, которую он легкомысленно целовал темной ночью, провожая с танцев? Наивный юношеский поцелуй, не обязывавший ни к чему ни его, ни ее... Оборвалась связь времен, истлели нити, соединявшие с отчим домом...

Молодые так спешат вырваться из родного гнезда – непонятно куда и зачем. Торопливо женятся, бывает даже по любви, на девушках из непонятных и далеких мест, или выходят замуж за пришлых «принцев», и поездка к ее или его родным превращается в пытку для одного из новоиспеченных супругов, ведь каждый тоскует о своем доме, каждому снится своя река,

родная улица, верные друзья. С годами, чтобы не обижать друг друга, перестают навещать и тех, и других родителей, ездят в переполненный ад – Сочи или Ялту, и корни обрываются вовсе. Вот только когда незаметно подкрадутся сумерки жизни, истает ясный день молодости, который и не заметил в вечном круговороте бытия, вспомнишь вдруг, до спазма в горле, мальчика в полutorке, и пожалеешь о том времени, когда можно было перейти улицу, распахнуть соседскую калитку и сказать закадычному дружку:

– Здравствуй! А помнишь?..

Может, оттого иногда часами невозможно отойти от давно немытого окна на четвертом этаже, откуда взгляд упирается в унылый двор, но видит совсем иное, и душа порой так поздно прозревает... И до боли хочется узнать, что же стало с теми, с кем ты делил свои первые радости, ходил в одну школу, сидел за партой, жил на соседних улицах, в одном квартале, с кем с неподдельным волнением и радостью вступал в пионеры, грелся у костров бедных летних лагерей первых послевоенных пятилеток. Где они все, что случилось с ними?

Где затерялся след учившейся вместе с ним всего две зимы рыжеволосой Валечки Велигдановой, похожей на белочку, – ее отец служил милиционером на станции. Где ныне Диночка Могилева, дочь секретаря райкома? А мальчик Вилли, появившийся в поселке в конце войны и живший с отцом на соседней улице в землянке, которую даже в бедном поселке язык не поворачивался назвать домом, избой и вообще человеческим жильем? В слове «землянка» для тех, кто не изведал, что это такое, слышится нечто теплое, удобное, – наверное, этот самообман породила знаменитая песня. Что стало с Вилли, вспоминает ли он в своем сытом Гамбурге о степном поселке, где так отчаянно защищал футбольные ворота и уже бойко говорил и по-казахски, и по-татарски? О Вилли и его отце вспоминали в поселке долго, потому что они уехали в Западную Германию в начале пятидесятых. Ходили слухи, что у них отыскался весьма влиятельный родственник, не то генерал, не то банкир. Тянется ли человек в богатой Германии хоть мысленно к степному поселку, где прошли его невозвратные детские годы, или же он постарался поскорее забыть обо всем – о голоде, холоде, вшах, унижениях и оскорблениях, о земляной конуре, где ему пришлось жить? Никогда не получить

ответа, – след Вилли затерялся навсегда... И оттого изредка так сожмет тоской сердце...

Почему-то вспоминается второгодник Коля Верноквас. Лет двадцать назад Вернокваса расстреляли, – оказывается, вечный двоечник, не одолевший школу дальше пятого класса, стал главарем банды в Ростове, занимавшейся разбоем, и за ним числилось не одно убийство...

Двоечник Верноквас напомнил ему и другой любопытный случай. Год 1964-ый – Рушан уже живет в Ташкенте. Перед матчами любимого «Пахтакора» он с друзьями собираются, по традиции, в баре ресторана «Ташкент», от которого до стадиона десять минут хода, мимо прекрасного сквера Гагарина, раскинувшегося вдоль текущей с ледниковых гор реки Анхор.

Бар в отеле не имеет свободного доступа, проход через гостиницу, где дежурят вальяжные швейцары в шитых золотом мундирах, и через ресторан, где на входе стоят бесцеремонные вышибалы. Но Ибрагим-балетмейстер и Нариман-аптекарь, о которых, в свой черед, еще много будет сказано, тут свои люди, завсегда. Для них любезно распахиваются в Ташкенте любые двери. За столом они вчетвером, перед ними изящная хрустальная ваза с фисташками и две охлажденные бутылки белого сухого вина «Баян-Ширей», вино только пригубили, ждут запаздывающих друзей. Ибрагим, как всегда, жестикулируя, азартно рассказывает о предстоящей премьере балета композитора Кара-Караева «Тропою грома». В это время со стороны ресторана в зал вбегает высокий юноша лет восемнадцати, в кепи-аэродроме, в ярких голубых брюках и пестрой, навыпуск, рубашке и плюхается в глубокое кожаное кресло у них за столом. Одним движением руки он срывает с головы свое модное кепи и бросает его под стол, и тут же, без суеты, берет бутылку и наполняет стоящий перед ним чужой пустой бокал, и разворачивается к говорящему лицом – весь внимание, уважение. Все это незваный юный гость проделал за секунды, с блеском, артистично, никто со стороны, даже если бы и видел, не подумал, что за столом появился чужак. Ибрагим, не изменяя тональности, продолжает рассказывать о грядущей премьере. Не прошло и пяти минут, как юноша встал, поблагодарил за вино, и очень галантно раскланявшись, не спеша, покинул ресторан, но уже через гостиницу.

Рушан спросил – кто это? Ибрагим, не желая отвлекаться от любимой темы, обронил: Ромка – Курятник, у него сестра такая красавица! Но тут подошли запоздавшие друзья, и продолжение разговора о Ромке-Курятнике и о балете Кара-Караева не получилось – футбол торопил.

Чуть позже, до землетрясения, Рушан несколько раз встречал этого юношу, из известной еврейской семьи с набриолиненным коком у кинотеатров «Искра» и «Молодая гвардия», украшавших ташкентский Бродвей, там всегда тусовалась «Золотая» молодежь столицы. Но даже среди элитной толпы он выделялся – рослый не по годам, одетый с вызывающей яркостью, с нескрываемой на лице надменностью к окружающим.

После печального землетрясения в Ташкенте не стало ни Бродвея, ни «Искры» и Рушан никогда не встречал его в своей жизни и даже не слышал больше – Ромка-Курятник... Чтобы это означало? И почему он тогда бесцеремонно ввалился к ним, взрослым, авторитетным молодым людям в баре за стол? От кого, почему он убежал? Это осталось для него тайной. Но... забытая тайна откроется спустя сорок лет.

Наткнувшись случайно в газете на сообщение о Ромке-Курятнике, Рушан, конечно, вспомнил далекие шестидесятые годы, Ташкент, футбольный день в баре знаменитого ресторана и юношу-стилягу с надменным выражением лица, вечно торчавшего на Бродвее у рекламных афиш сгинувшей навсегда «Искры». Он с грустью подумал, что есть сотни достойных людей, близких его сердцу, но о них никогда не появится печатная строка, даже некролог. А о смерти Ромки-Курятника написали все центральные газеты России, о бульварной прессе и говорить не приходится. Сообщение гласило: «Сегодня, на рассвете, в Москве, рядом со своим домом убит известный в криминальном мире 55-летний Роман Александрович Беренштейн, по кличке Ромка-Курятник. Убитый возвращался из казино, где всю ночь играл по-крупному в карты, и уехал под утро на своем «Мерседесе» с солидным выигрышем.». Дальше в статье с фотографией рассказывалось о жизненном пути выдающегося картежного игрока, начинавшем свой путь в жарком Ташкенте. Курятник, оказывается, рано перебрался в Москву и быстро стал в столице известным каталой, авторитетным человеком в уголовном мире. В статье говорилось, что последние годы он часто выступал в роли третейского судьи, раз-

водил конфликтующие стороны, где спор шел на миллионы долларов. А такое доверяется только очень авторитетным людям. Намекалось, что и смерть его связана с каким-то судебным решением, а не с картами. Картежный выигрыш и пистолет, который Ромка-Курятник успел все-таки достать, остались при нем, что подтверждало версию милицейских экспертов.

Вот так запоздало открылась Рушану еще одна ненужная ему тайна чужой жизни.

Дасаеву нет и пятидесяти, но до пенсии ему осталось немного – прорабская работа тяжелая, а он почти тридцать лет отдал стройке. Тягу к размышлениям он обнаружил в себе поздновато и ни с кем не делился своими взглядами на жизнь, он открывал новые истины для себя, и они прежде всего касались его самого.

Все то, к чему он приходил неожиданно для себя, давно было отражено в мудрых трактатах, и об этом не одно поколение писателей и философов создало горы книг, но ведь то был опыт чужой жизни, чужие открытия, а тут до всего он доходил сам, спонтанно, устремив невидящий взгляд в окно. Хотя сложно сказать, невидящим был этот взгляд или, наоборот, видящим чересчур много, особенно в прошлом...

Возможно, попытайся он изложить свои мысли на бумаге, они превратились бы в банальность, а потому и не заслуживали бы внимания. Но в том-то и дело, что он не умел, да и не хотел философствовать абстрактно, а все переводил на себя или на тех, кого знал, кого любил, с кем общался. Потому и всплыли в памяти мальчик Вилли и хрупкая девочка Роза Хамидуллина, учившаяся в соседнем классе. Рушан помнит ее на новогодней елке, в костюме «Ночи». Обыкновенная марля, выкрашенная в черный цвет, вся была расшита звездочками из серебристой фольги – обертки дешевого плиточного чая, – бедность всегда неистощима на выдумки и фантазию. А на голове у девочки, как у настоящей царицы, сияла корона все из той же фольги, а на короне уже другой, золотистой фольгой из-под шоколадных конфет, значилось «1951-й год».

Теперь трудно докопаться, почему он так часто стал вспоминать прошлое и как назвать эти его почти каждодневные экскурсии в детство и юность. Что это было? Только ли воспоминания? Но воспоминания возникают случайно, по настроению, они как бы наплывают сами собой, помимо твоей воли, сознания.